

3.12
351
162810

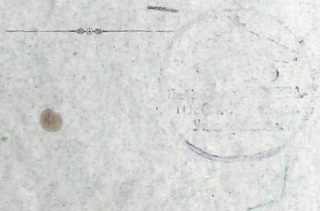
М. М. Алексѣенко.

~~3.12~~
~~1857~~

ВОСПОМИНАНІЯ

О ПРОФЕССОРѢ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

К. К. ГАТТЕНБЕРГЕРЪ.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.
1904.

М. М. Алексѣенко.

Ж. В.
851.

ВОСПОМИНАНІЯ

О ПРОФЕССОРѢ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

К. К. ГАТТЕНБЕРГЕРЪ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.
1904.

Центральная Библиотека
Инв. №

М. М. Алексѣенко.

Х. В.
851.

16

ВОСПОМИНАНІЯ

О ПРОФЕССОРѢ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

К. К. ГАТТЕНБЕРГЕРЪ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.
1904.

Центральна наукова
Бібліотека при ХДУ
Інв. № _____

89 99 08
66

На основаніи ст. 41 § 1 и. 4 и ст. 138 Унив. Уст. печатать и выпустить въ
свѣтъ разрѣшается. Харьковъ, 18 декабря 1904 года.

Ректоръ Университета *Н. Кузнецкій.*

24
19

Въ засѣданіи Юридическаго Общества 31 января 1904 г. профессоръ В. Ф. Левитскій прочиталъ докладъ о научныхъ работахъ покойнаго профессора Харьковскаго университета Константина Константиновича Гаттенбергера, который многимъ харьковцамъ представлялся чудачкомъ - нелюдимомъ, замкнувшимся въ узкія рамки личной жизни и непризнававшимъ общественныхъ условій.

При обсужденіи доклада бывшіе слушатели и товарищи профессора Гаттенбергера указали на свѣтлыя стороны личности покойнаго и познакомили съ нѣкоторыми эпизодами его жизни. Въ виду интереса, возбужденнаго этими свидѣтельствами, мнѣ, какъ бывшему товарищу профессора Гаттенбергера по преподавательской дѣятельности въ Харьковскомъ университетѣ, было предложено доложить мои воспоминанія о профессорѣ Гаттенбергере. Идя на встрѣчу высказанному желанію, я заранѣе прошу извиненія за неполноту и отрывочность моего сообщенія.

Профессоръ К. К. Гаттенбергеръ былъ прежде всего ученый. Я не буду подробно выяснять его научныя заслуги; на этомъ останавливался въ своемъ докладѣ Юридическому Обществу профессоръ В. Ф. Левитскій, бывший долгое время преемникомъ профессора Гаттенбергера по кафедрѣ полицейскаго права въ Харьковскомъ университетѣ. Я ограничусь немногими замѣчаніями.

Начинающій ученый формируется подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій, внутреннихъ и внѣшнихъ. Здѣсь играютъ большую роль складъ ума, темпераментъ, предварительная подготовка, первоначальное руководство, внѣшняя житейская обстановка. Особенно трудно положеніе начинающаго ученаго въ сферѣ общественныхъ наукъ. Его захватываетъ широкая область общественныхъ явленій, связанныхъ

Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Юридическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ 7-го марта 1904 года.

между собою, переплетающихся, затрогивающих горячіе и волнующіе вопросы и личной, и общественной жизни. Работать приходится при неуставленныхъ методахъ, надъ жизненнымъ, ускользящимъ, трудно регистрируемымъ матеріаломъ. Томимый жгучею жаждою знанія, начинающій ученый стремится къ разрѣшенію общихъ вопросовъ, проглатываетъ книгу за книгою, разбрасывается, переживаетъ сладкія минуты, когда кругозоръ его расширяется, и онъ какъ будто близко подходитъ къ стоящимъ предъ нимъ вопросамъ, то впадаетъ въ уныніе, когда его угнетаетъ сомнѣніе въ своихъ силахъ, въ возможности придти къ положительнымъ результатамъ. На первыхъ работахъ нерѣдко явственно отражается нервность молодыхъ авторовъ, пережившихъ муки творчества. Правда, есть болѣе покойныя и по своему счастливыя натуры, которыя легко схватываютъ такъ называемыя „послѣднія слова науки“, свободно входятъ въ модныя теченія, клянутся словами учителей. Профессоръ Гаттенбергеръ по исключенію не принадлежалъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Уравновѣшенность натуры, методичность ума, трезвость мысли, помогли ему скоро ориентироваться въ безбрежной области изученія и поставить себя въ предѣлы, въ которыхъ онъ могъ съ пользою работать. Серьезную подготовку онъ началъ еще на студенческой скамьѣ. Уже тогда онъ выдѣлялъ вопросы, для разрѣшенія которыхъ еще не наступило время, не были собраны достаточные матеріалы, не была подготовлена почва. Онъ основательно познакомился съ исторіей экономическихъ явленій и движеніемъ экономическихъ доктринъ, разобрался въ утопіяхъ и государственныхъ романахъ и усвоилъ опредѣленный взглядъ на экономику человѣческихъ обществъ. Въ первомъ, вышедшемъ въ 1870 году трудѣ „Вліяніе русскаго законодательства на производительность торговаго банковаго кредита“ предъ нами уже самостоятельный ученый, порѣшившій для себя методологическіе вопросы и умѣющій поставить изслѣдованіе въ опредѣленные границы, въ которыхъ используется соотвѣтствующій матеріалъ и получаются цѣнные выводы. Приведу для подтвержденія вы-

держки изъ этого труда: „Чтобы устранить всякое недоразумѣніе, возникающее изъ слова народное хозяйство, употребляемое въ различныхъ значеніяхъ и нерѣдко расширяемое до совокупности всѣхъ соціальныхъ явленій, предупреждаю, что подъ народнымъ хозяйствомъ я разумѣю совокупность фактовъ, относящихся непосредственно къ дѣятельности, удовлетворяющей *матеріальнымъ* потребностямъ посредствомъ *матеріальныхъ* благъ“ (стр. 4). Такимъ образомъ вопросъ о нематеріальныхъ благахъ и нематеріальныхъ капиталахъ устраняется К. К. Гаттенбергеромъ для удобства изслѣдованія, которое ограничивается болѣе опредѣленною сферою. „Едва ли какой нибудь другой экономическій вопросъ имѣетъ такую обширную литературу, какъ вопросъ о банкахъ, и едва ли какая нибудь другая литература представляетъ столько интереса для желающихъ изучить методъ, употребляемый въ политической экономіи; неправильное примѣненіе дедукціи, индукціи, основанной на статистическихъ данныхъ, вообще, злоупотребленіе этими послѣдними не имѣетъ другого подобнаго примѣра. Эти обстоятельства заставляютъ меня сдѣлать двѣ оговорки: 1) я не имѣлъ въ виду и не могъ исчерпать почти необозримую литературу, разбросанную при томъ въ журналахъ; иностранную литературу я пользовался настолько, насколько это казалось мнѣ необходимымъ для уразумѣнія явленій, окружающихъ и наполняющихъ русскую систему промышленнаго банковаго кредита; 2) сознавая невозможность дѣлать выводы о *причинной зависимости явленій изъ наблюденія* надъ статистическими данными, я пользовался ими только для того, чтобы *опредѣленно констатировать факты*. Гдѣ рѣчь идетъ о причинной связи явленій, тамъ эта связь устанавливается а priori, признаваемымъ мною *единственнымъ способомъ* доказательства, въ которомъ нужно всегда искать центръ тяготѣнія моихъ аргументацій“ (стр. 8—9). Въ этихъ строкахъ дается опредѣленный взглядъ на методъ въ экономическихъ изслѣдованіяхъ, указывается значеніе статистическихъ данныхъ и полагаются рамки изслѣдованія. Такою же ясностью и опредѣленностью отличаются соображенія К. К. Гаттенбергера

по поводу сбивчиваго и возбуждавшаго контрoверзны вопроса: создаетъ ли кредитъ капиталы или только перемѣщаетъ ихъ (стр. 18—22). К. К. Гаттенбергеръ писалъ свою книгу о банкахъ въ то время, когда въ Россіи частное банковое дѣло только начиналось, когда оно было далеко отъ того расцвѣта, который сопровождался скорбно пережитыми русскимъ обществомъ крушеніями, когда статистическій матеріалъ былъ необширенъ, когда банковая техника еще не освоилась съ различными ухищреніями. Тѣмъ не менѣе трудъ этотъ затронулъ почти всѣ существенные вопросы краткосрочнаго банковаго кредита и охарактеризовалъ отношеніе законодательства къ этому дѣлу. Изложеніе отличается замѣчательностью сжатостію и простотою и, если такъ можно выразиться, особенною скупостію на слова.

Второй трудъ профессора К. К. Гаттенбергера „Законодательство и биржевая спекуляція, 1872“ разъясняетъ отношеніе законодательства къ биржевымъ сдѣлкамъ. Подробный и обстоятельный анализъ биржевыхъ сдѣлокъ и тщательное изученіе законодательныхъ и административныхъ мѣръ приводятъ профессора К. К. Гаттенбергера къ заключенію, поставленному имъ, какъ одинъ изъ тезисовъ: „запретительные законы и различныя мѣры противъ биржевой спекуляціи всегда оказывались недѣйствительными и только изощряли изобрѣтательность спекулянтовъ, всегда находившихъ способы обойти постановленія правительства“.

Третій большой трудъ профессора К. К. Гаттенбергера „Вѣнскій кризисъ 1873 г., СПБ. 1877“ является памятникомъ замѣчательной эрудиціи и достойной подражанія выдержанности въ постановкѣ вопроса и въ способахъ его разрѣшенія. Въ предисловіи профес. К. К. Гаттенбергеръ снова останавливается на методологическихъ вопросахъ и, сѣтуя на спутанность точекъ зрѣнія въ различныхъ произведеніяхъ, касающихся кризисовъ, устанавливаетъ свое отношеніе къ предмету изслѣдованія. „Въ литературѣ о кризисахъ преслѣдуютъ двѣ совершенно различныя цѣли: одни ставятъ своею задачею объясненіе явленія такъ, какъ оно существуетъ въ дѣйствительности, объективно; другіе наполняютъ

свои произведенія пожеланіями, высказываемыми по поводу кризиса, декламаціями противъ алчности и недобросовѣстности спекулянтовъ, предложеніемъ мѣръ, необходимыхъ, по ихъ мнѣнію, для предупрежденія кризисовъ или ослабленія ихъ вреднаго вліянія. Эти два направленія нерѣдко до того спутываются, что едва можно разобрать, идетъ ли рѣчь о существующемъ или о томъ, что должно быть; иногда никакія усилія не въ состояніи разрѣшить этой задачи, потому что самъ авторъ не различаетъ этихъ весьма различныхъ вещей“ (стр. 7). „Оставляя въ сторонѣ декламаціонныя стремленія, дидактическія правила, стремленіе придумать рядъ нравственныхъ правилъ или правительственныхъ мѣръ, предупреждающихъ или облегчающихъ кризисы,—принимаясь за изслѣдованіе Вѣнскаго кризиса 1873 года, мы имѣемъ только одну задачу: объяснить его происхожденіе“ (стр. 9).

Я привелъ выдержки изъ различныхъ трудовъ профессора К. К. Гаттенбергера, касающіяся научной обработки экономическихъ вопросовъ, чтобы показать, что профессоръ К. К. Гаттенбергеръ оставался вѣренъ себѣ на почвѣ научныхъ изслѣдованій и всегда стремился строго научными способами достигать прочныхъ выводовъ въ поставленныхъ имъ для себя предѣлахъ задачъ. Изученіе его произведеній является поэтому хорошею школою для начинающихъ, которые могутъ укрѣпиться въ умѣнхи оперировать настоящимъ научнымъ методомъ. Вѣнскій кризисъ 1873 года былъ послѣднимъ большимъ трудомъ К. К. Гаттенбергера. Онъ оставилъ кромѣ того рядъ журнальныхъ статей: „Реально-психологическая политическая экономія“, „Страхованіе рабочихъ“, „Англійскія сберегательныя кассы“, „Результаты кооперативнаго движенія“, „Австрійскія бумажныя деньги“ и друг. Но это—не были популярныя журнальныя статьи; это были научныя работы, случайно пріютившіяся въ журналахъ. Стилъ ихъ строгій, сжатый, если можно такъ выразиться, *постный*, безъ повтореній, разъясненій и отступленій, допускаемыхъ въ журнальныхъ статьяхъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы сдѣлать изложеніе болѣе доступнымъ для читателя, легче ввести его въ матерію, заинтересо-

вать его. У профессора К. К. Гаттенбергера не было ни склонности къ популяризированію, ни соотвѣствующихъ для популяризатора качествъ; у него не было и жилки публициста. Да и время было такое, когда въ публикѣ не проявлялось еще достаточно интереса къ вопросамъ, которыми занимался профессоръ К. К. Гаттенбергеръ. Его журнальныя статьи такъ же, какъ и его сочиненія, надо изучать пытливымъ умомъ, а не бѣгло читать глазами. Я не предполагалъ давать подробный рефератъ о томъ, что сдѣлалъ профессоръ К. К. Гаттенбергеръ въ своей специальности; я имѣлъ въ виду обрисовать въ самыхъ общихъ чертахъ фигуру ученаго, который выступаетъ въ моихъ воспоминаніяхъ какъ профессоръ Харьковскаго университета и какъ членъ университетской коллегіи.

Присутствовавшіе на послѣднемъ засѣданіи Юридическаго Общества помнятъ, какъ тепло и искренно помянули профессора К. К. Гаттенбергера добрымъ и благодарнымъ словомъ его бывшіе ученики...

К. К. Гаттенбергеръ началъ профессорскую дѣятельность въ Харьковскомъ университетѣ въ 70-хъ годахъ, когда еще звучало, отдаваясь въ сердцахъ, гуманное слово Д. И. Каченовскаго (международное право и государственное право), когда богато одаренный И. П. Сокальскій (политическая экономія и статистика) давалъ живыя художественныя изображенія экономическихъ и общественныхъ явленій въ ихъ историческомъ чередованіи и сложившемся укладѣ, когда многосторонне образованный мастеръ слова А. Н. Стояновъ (исторія законодательства древняго и новаго міра) расширялъ нашъ кругозоръ, проводя насъ черезъ законодательства древнихъ и новыхъ народовъ съ ихъ различными началами права и своеобразными юридическими концепціями. Въ это же время выступали и новыя силы: П. П. Цитовичъ (гражданское право и судопроизводство) съ его колкою, образною, мѣткою рѣчью, возбуждавшею умъ и вызывавшею пытность, и Л. Е. Владиміровъ (уголовное право и судопроизводство), дававшій блестящее съ поэтическимъ взмахомъ изложеніе, допускавшій иногда парадоксы, но замѣчательно поддерживавшій интересъ къ предмету и

будивший слушателей. К. К. Гаттенбергеръ примкнулъ къ этому завидному составу профессорскаго персонала, какъ самостоятельная сила съ своею особою индивидуальностью. Онъ внесъ въ лекціи тѣ же качества, какими отличались его сочиненія. Спокойный методическій умъ, онъ давалъ ясное простое послѣдовательное изложеніе предмета, умышленно лишенное всякихъ прикрасъ, изложеніе безъ притязаній, безъ намековъ, безъ запыриваній. Онъ училъ слушателей способамъ изслѣдованія, посвящалъ рядъ лекцій методологіи общественныхъ наукъ, показывалъ, какъ надо выяснять значеніе общественнаго явленія или законодательной нормы, какъ ограждать изслѣдованіе отъ ошибокъ, отъ злоупотребленій статистическими данными, отъ скорыхъ, по неосновательныхъ выводовъ. Уже въ 70-хъ годахъ онъ знакомилъ своихъ слушателей съ экономическимъ ученіемъ Карла Маркса, разбиралъ его покойно, трезво, сопоставляя его съ другими экономическими доктринами, отдѣляя сущность отъ способовъ выраженія и выясняя его значеніе въ исторіи науки. Въ своихъ лекціяхъ онъ не останавливался на мелкихъ подробностяхъ справочнаго характера; онъ издалъ небольшой учебникъ полицейскаго права, на который ссылался и къ которому отсылалъ студентовъ для ознакомленія съ законодательнымъ матеріаломъ и фактическими данными. Онъ являлъ образецъ преподаванія, къ которому начинаютъ въ наше время тяготѣть, послѣ того какъ поколебалась вѣра въ достоинства декламационно-лекціоннаго изложенія. К. К. Гаттенбергеръ имѣлъ въ виду дать студентамъ въ университетскомъ преподаваніи большую самостоятельность; пассивное усвоеніе вполне готоваго К. К. Гаттенбергеръ стремился замѣнить подготовкою слушателя къ самостоятельной разработкѣ вопросовъ путемъ ознакомленія съ методами и указаніемъ образцовъ ихъ примѣненія на существенныхъ вопросахъ науки. На первыхъ порахъ студентамъ было трудновато слѣдить за чтеніями К. К. Гаттенбергера; требовалось напряженіе и ума, и вниманія. Но кто освоился съ его манерою чтенія, тотъ становился усерднымъ его сторонникомъ и ревностнымъ почитателемъ. Чтеніе лек-

цій студентамъ профессоръ К. К. Гаттенбергеръ считалъ своею главною обязанностію. Онъ прекратилъ чтеніе, когда уже буквально свалился съ ногъ, пораженный тяжкою болѣзнію.

На диспуты, въ которыхъ участвовали К. К. Гаттенбергеръ, онъ смотрѣлъ какъ на серьезное дѣло, а не какъ на публичныя представленія, на которыхъ и дефенденты и оппоненты могутъ нерѣдко, при недобромъ желаніи, пожинать дешевыя лавры и срывать шумные аплодисменты. Онъ полагалъ, что диспутъ—способъ ознакомить студентовъ и публику съ значеніемъ вопросовъ, затронутыхъ дефендентомъ, и показать разногласія, которыя имѣются въ этихъ вопросахъ. Убѣжденный врагъ краснорѣчія, онъ просто, сжато и ясно формулировалъ свои возраженія и представлялъ ихъ въ самой корректной формѣ, съ полнымъ уваженіемъ къ дефенденту, къ его труду, къ его мнѣніямъ; онъ не настаивалъ, не язвилъ, а представилъ свои аргументы, лишь отбѣялъ значеніе репликъ дефендента, не затягивая безполезнаго спора и щадя особое нервное состояніе дефендента.

Въ коллегіи это былъ добрый, честный товарищъ, стоявшій на сторонѣ праваго дѣла и готовый всегда поддерживать и помочь.

Я перехожу къ общественной сторонѣ дѣятельности профессора К. К. Гаттенбергера. Съ перваго взгляда кажется страннымъ и касаться этой стороны, говоря о человѣкѣ, который представлялся публикѣ мрачнымъ нелюдимомъ, отшельникомъ, ходившимъ въ какомъ то халатѣ. Но этотъ человѣкъ, жившій особнякомъ въ „копилкѣ“ (такъ называли обыкновенно квартиру профессора К. К. Гаттенбергера, пропитанную насквозь дымомъ плохихъ сигаръ), ставилъ живые современные вопросы русской жизни, откликался на общественныя явленія, которыя въ Россіи въ то время еще только формировались,—банки, биржи, сберегательныя кассы, коопераціи, страхование и проч.—и знакомилъ съ болѣе богатымъ опытомъ опередившихъ насъ европейскихъ государствъ и съ выводами западно-европейскихъ теоретиковъ, которые имѣли возможность изучать аналогическія явленія въ болѣе сложившихся формахъ. Профессоръ К. К. Гаттен-

бергеръ былъ прежде всего человѣкъ долга. Признавая, что высшее образованіе онъ получилъ на счетъ государства, и что государство давало ему средства и возможность совершенствоваться въ наукахъ, онъ съ своей стороны считалъ себя обязаннымъ работать для науки въ Россіи, серьезно подготавливаться къ университетскому преподаванію и давать совѣты и разъясненія, когда къ нему обращались общественныя учрежденія и частныя лица. Земскія учрежденія, городскія общественныя управленія, ремесленныя общества, горнопромышленники, составители артелей и многія другія лица получали отъ него отвѣты на запросы о различныхъ банковыхъ учрежденіяхъ, объ артеляхъ, о ломбардѣ, о выпускѣ облигацій и т. п. Свои отвѣты онъ разрабатывалъ съ такою же основательностью и полнотою, какъ и научныя труды. Иногда изъ за какого нибудь недоразумѣнія вопрошающаго онъ безропотно терялъ недѣлю, собирая справки, роясь въ статистическихъ и бытовыхъ матеріалахъ. Свои мнѣнія онъ по большей части излагалъ письменно, во избѣжаніе кривотолковъ. Но иногда онъ по приглашенію шелъ въ засѣданія комиссій и исполнительныхъ органовъ общественныхъ управленій и въ частныя совѣщанія. Онъ облакался тогда въ черный сюртукъ, который у него имѣлся для такихъ экстренныхъ случаевъ, и велъ себя въ засѣданіяхъ съ обычною скромностью. Онъ давалъ разъясненія, представлялъ справки, но не настаивалъ, не вступалъ въ пренія, не пытался убѣждать предубѣжденныхъ. Я однажды засталъ у К. К. Гаттенбергера „въ копилкѣ“ изищно одѣтаго съ цилиндромъ въ рукѣ горнопромышленника, явившагося за разъясненіемъ сомнѣній по вопросу о какихъ то мудреныхъ кредитныхъ операціяхъ. К. К. Гаттенбергеръ занимался въ это время вопросомъ, который для выясненія требовалъ множества справокъ; онъ былъ забаррикадированъ книгами *in folio*, изъ которыхъ дѣлалъ выписки. Горнопромышленникъ долженъ былъ помѣститься на одной изъ кипъ фоліантовъ. К. К. Гаттенбергеръ съ замѣчательною кротостью и терпѣніемъ выслушивалъ собесѣдника, стараясь свести его вождедѣнія къ опредѣленнымъ фор-

мамъ, и затѣмъ пообѣщать дать ему письменный отвѣтъ. Отвѣтъ онъ и не замедлилъ дать, хотя былъ въ то время очень занятъ и хотя его работа потерпѣла отъ перерыва. Такая общественная роль профессора К. К. Гаттенбергера, не смотря на ея несомнѣнную пользу, была незамѣтна, не кричала. Онъ не принималъ активнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, не произносилъ громкихъ рѣчей и поэтому не могъ оставить свое имя въ исторію города.

Образъ жизни профессора К. К. Гаттенбергера былъ имъ приспособленъ къ выполнению его обязанностей, научныхъ и преподавательскихъ. Со стороны могли считать его эгоистомъ, запрятавшимся въ свою личную жизнь, презирающимъ общественныя приличія, глухимъ къ общественнымъ требованіямъ. Правда, онъ ввелъ въ свою жизнь много упрощеній, но для того, чтобы имѣть больше времени для производительной работы. Въ стремленіи къ упрощенію жизни сказался и студентъ 60-хъ годовъ, когда было въ обычаѣ критическое и даже пренебрежительное отношеніе къ разнымъ условностямъ жизни. Впрочемъ, въ отчужденіи К. К. Гаттенбергера отъ общества сыграло роль одно обстоятельство его личной жизни. Я не имѣю права высоко приподнимать эту завѣсу. Скажу только, что К. К. Гаттенбергеръ-студентъ былъ влюбленъ, мечтать о счастьѣ, о семьѣ, но мечты разлетѣлись и на него, какъ на однолюба, эта жизненная неудача произвела сильное впечатлѣніе. Онъ сохранилъ уваженіе къ женщинамъ, былъ очень вѣжливъ и обходителенъ въ обращеніи съ ними, но избѣгалъ женскихъ знакомствъ и женскаго общества, не бывалъ въ семьяхъ. Онъ не ходилъ въ гости и называлъ посѣщеніе семействъ неулыбчивымъ вторженіемъ въ обывательскій домъ. Онъ неустанно работалъ для науки и преподаванія и примѣнительно къ работамъ располагалъ свое время. Его отдыхъ заключался въ игрѣ на віолончели и въ посѣщеніи концертовъ. Онъ былъ большой любитель и знатокъ серьезной музыки. Посѣтители харьковскихъ концертовъ еще помнятъ профессора К. К. Гаттенбергера, какъ одного изъ завсегдаевъ, обыкновенно скромно скрывавшагося за колонной въ залѣ дво-

рянскаго собранія. Изъ экономіи времени онъ читалъ только одну газету. Эта газета была *Neue freie Presse*. Любители предположеній сейчасъ готовы по этому поводу дѣлать догадки о такъ называемомъ направленіи профессора К. К. Гаттенбергера, какой онъ былъ филь и какой-фобъ. Но профессоръ К. К. Гаттенбергеръ былъ далекъ отъ того, чтобы поучаться изъ газетъ и черпать мнѣнія съ извѣстною окраскою изъ этого источника; онъ искалъ въ газетѣ только свѣдѣнія и факты. Онъ выбралъ *Neue freie Presse* по дѣловымъ соображеніямъ. Онъ могъ читать эту газету непрерывно въ Россіи и за границей, гдѣ онъ проводилъ дѣто (по большей части въ Вѣнѣ и ея окрестностяхъ или въ другихъ австрійскихъ городахъ). Въ этой газетѣ помѣщались музыкальные фельетоны Ганслика, котораго К. К. Гаттенбергеръ высоко цѣнилъ, какъ музыкальнаго критика. Наконецъ, онъ находилъ въ ней обстоятельныя торговныя и биржевыя статьи и хроники. Когда профессоръ К. К. Гаттенбергеръ уставалъ отъ работы и позволялъ себѣ передышку, онъ развлекался чтеніемъ романовъ, причемъ просилъ указывать ему наиболѣе легкіе для чтенія. По субботамъ вечеромъ онъ принималъ посѣтителей и угощалъ ихъ чаемъ; впрочемъ въ послѣдніе годы онъ предпочиталъ встрѣчаться на „нейтральной почвѣ“, т. е. въ пивной. Закончивъ дневныя работы, онъ каждый вечеръ, около 10 часовъ, появлялся въ излюбленной пивной, гдѣ по своему отдыхалъ среди гула голосовъ, въ табачномъ дыму и въ пивномъ воздухѣ. Каждое дѣто онъ уѣзжалъ за-границу. Онъ пополнялъ свою бібліотеку, собиралъ данныя, литературныя и фактическія, по интересовавшимъ его вопросамъ, дѣлалъ экскурсіи въ горы, набирался здоровья на зиму, посѣщалъ концерты. Одѣвался онъ чрезвычайно просто. Онъ обыкновенно носилъ удлиненный пиджакъ или нѣсколько укороченное пальто темнаго цвѣта. Для упрощенія жизни у него была только одна перемѣна платья; но на немъ всегда была вычищенная, опрятная одежда; какъ только она теряла свѣжесть, она замѣнялась новою. У профессора К. К. Гаттенбергера былъ и черный сюртукъ, въ который онъ облачался, когда это требовалось по кодексу житейскихъ при-

личій. Университетскія лекціи онъ читалъ въ вицмундирѣ, который находился на попеченіи университетскаго служителя, состоявшаго при профессорской лекторіи. На профессорѣ К. К. Гаттенбергерѣ была всегда бѣлая мягкая свѣжая рубаша, прикрытая длинною бородою и высокимъ жилетомъ; это давало возможность любителямъ позлословить утверждать, что иногда профессоръ К. К. Гаттенбергеръ забывалъ надѣвать бѣлье. Чтобы не изнѣживать себя и не загромождать квартиры, которая ему нужна была для книгъ, онъ не имѣлъ кровати, а спалъ на диванѣ. Прислуги постоянной онъ не держалъ. Какъ экономистъ, онъ полагалъ, что его обиходъ не даетъ достаточной работы для цѣлаго дня другого человѣка, который, состоя при немъ и не имѣя работы, долженъ излѣниться и потерять трудовую способность. При томъ его, неустаннаго работника, стѣсняло бы присутствіе неработающаго человѣка въ непосредственной близости къ нему.

Таковъ былъ строй жизни покойнаго К. К. Гаттенбергера. Невольно ставится вопросъ: почему же профессоръ К. К. Гаттенбергеръ, неустанно работавшій, устроившій жизнь такъ, чтобы какъ можно меньше отвлекаться отъ дѣла, не далъ такъ много, какъ можно было бы ожидать. Прежде всего надо оговориться, что въ примѣненіи къ профессору К. К. Гаттенбергеру особенно имѣетъ значеніе старое изреченіе о различіи между *multa* и *multum*. Правда, профессоръ К. К. Гаттенбергеръ не далъ многотомныхъ объемистыхъ трудовъ. Врагъ разбалтываній и нагроможденій сырого матеріала, онъ ограничивался сжатымъ изложеніемъ продуманнаго и провѣреннаго, давалъ только результаты долгой и усидчивой работы, не знакомя ни съ процессомъ работы, ни съ изученными матеріалами. Процессъ работы профессора К. К. Гаттенбергера свидѣтельствуетъ о поразительной научной добросовѣстности. Приступая къ изученію какаго нибудь вопроса, онъ собиралъ литературу предмета и запасался относящимся къ нему матеріаломъ—законодательнымъ, статистическимъ, бытовымъ; при этомъ онъ входилъ въ разнообразную корреспонденцію, выискивая матеріалъ и

462810
стараясь добыть его въ возможной полнотѣ. Затѣмъ шло тщательное изученіе литературы и собраннаго матеріала по карточной системѣ. На карточки, извѣстнымъ образомъ помѣченные, наносились выписки изъ литературы и фактическаго матеріала и дѣлались замѣчанія, сближенія и проч. Особенно внимательно разбирался статистическій матеріалъ, чтобы не погрѣшить противъ основного начала изслѣдованія—не смѣшивать разнородныхъ данныхъ; дѣлались подсчеты, вычисленія. Классифицированныя по отдѣльнымъ сторонамъ вопроса карточки снова пересматривались, изучались, пополнялись, сопоставлялись и давали матеріалъ для изложенія предмета въ сжатыхъ и ясныхъ положеніяхъ. Нерѣдко многіе дни и недѣли проходили въ изслѣдованіи какой нибудь стороны дѣла, а въ изложеніи получались двѣ строчки, сообщавшія объ отрицательномъ выводѣ по какому нибудь вопросу. Всякая подробность обстоятельно изслѣдовалась и ея значеніе опредѣлялось путемъ теоретическихъ соображеній и провѣркою на фактическомъ матеріалѣ. Такъ работали профессоръ К. К. Гаттенбергеръ для крупныхъ изслѣдованій, для журнальныхъ статей, а въ послѣднее время для лекцій, въ основательномъ изложеніи которыхъ онъ нашелъ исходъ для выполненія признанной имъ для себя обязанности работать для науки чрезъ живые органы—чрезъ своихъ слушателей.

Рѣдко можно найти человѣка такой доброты и чистоты, какимъ былъ профессоръ К. К. Гаттенбергеръ. Отношенія его къ людямъ были самыя доброжелательныя. Онъ не порицалъ, не злословилъ, онъ старался находить объясненіе и оправданіе. Онъ искалъ какъ бы сдѣлать что нибудь пріятное людямъ. Все, что онъ получалъ, онъ раздавалъ, оставляя лишь на свою незатѣйливую жизнь, да на заграничныя путешествія, которыя онъ устраивалъ самымъ экономнымъ образомъ. Онъ, какъ нянька, ухаживалъ за своимъ молчаливымъ субботнимъ собесѣдникомъ, лекторомъ англійскаго языка Даунсомъ.

Онъ угасъ преждевременно. Онъ велъ нездоровый образъ жизни. Жилъ одиноко въ небольшомъ продымленномъ

помѣщеніи (такъ называемой копилкѣ) среди пыльных книгъ, постоянно курилъ сигары, нѣсколько неумѣренно потреблялъ пиво, питался ресторанною пищею. У него развился по показанію однихъ врачей циррозъ печени, по показанію другихъ—ракъ печени. Послѣдніе мѣсяцы жизни, когда онъ уже угасалъ, но все же продолжалъ заниматься и читалъ лекціи, показали во всемъ величіи этотъ характеръ. Онъ не ропталъ; не жаловался, не хотѣлъ никого затруднять своею болѣзнію; онъ принималъ только заботы профессора Н. Л. Залѣскаго, добрейшаго человѣка, скрывающаго подъ ворчливую манерою высокія душевныя качества. Покойный К. К. Гаттенбергеръ былъ очень привязанъ къ проф. Н. Л. Залѣсскому и питалъ къ нему глубокое уваженіе. Въ послѣдніе тяжкіе дни онъ позволилъ ухаживать за собою библіотечному служителю Ивану Дмитренко и его женѣ. Когда онъ свалился, его всего больше беспокоила мысль, что онъ не исполняетъ своей обязанности—не читаетъ лекцій студентамъ.

18 мая 1893 года его не стало.

Я сообщилъ мои воспоминанія о профессорѣ К. К. Гаттенбергерѣ, имѣя въ виду напомнить его дорогой образъ тѣмъ, кто его зналъ, и познакомить съ однимъ изъ университетскихъ дѣятелей, который въ своей жизни ученой, общественной и личной выполнилъ сентенціи римскихъ юристовъ, старая какъ мѣръ, и юная какъ постоянно обновляющійся мѣръ,—*honeste vivere, neminem laedere, suum cuique tribuere*.

Мнѣ и теперь живо представляется онъ съ правильными чертами лица, съ добрыми глазами и привѣтливою улыбкою. Вотъ онъ въ своемъ обычномъ пальто, нахлобучивъ шляпу, слегка сгорбившись, идетъ, сторонясь и всѣмъ давая дорогу, и подъ скромною внѣшностью несетъ въ университетъ обширныя и солидныя знанія, трезвый и самостоятельный умъ, высокую душу и золотое сердце.
